

друга моего» (1803), оригинальное по строфике и ритмике. может показаться первоначальным наброском одного из самых зрелых по форме стихотворений Батюшкова «На смерть супруги Ф. Ф. Кокошкина» (1811).

У Капниста:

Томны отголоски! Песнь мою печальну
 Холмам отнесите;
 Вниз потока быстра, сквозь дубраву дальну
 В рощах повторите.
 Ах! Почто любезна друга, рок постылый,
 Ты меня лишаешь?
 С кем делалось сердце, холодной с тем могилой
 Вечно разделяешь.

(Стр. 146).

У Батюшкова:

Нет подруги нежной, нет прелестной Лилы!
 Все осиротело!
 Плачь, любовь и дружба, плачь, Гимен унылый!
 Счастье улетело!
 Ты печальны тисы, кипарисны лозы
 Насади вокруг урны!
 Пусть приносит юность в дар чистейши слезы
 И цветы лазурны!²⁴

Сходство здесь очевидно и может быть объяснено только сознательным стремлением молодого поэта воспроизвести поэтическую манеру Капниста, усвоить из нее то, что могло войти в его творчество органически и свободно.

В свою очередь Капнист очень тонко чувствовал поэтическую манеру Батюшкова и прекрасно выразил это в своем послании к нему, в котором убеждал молодого поэта перевести Тасса:

С вершин Парнаса Тасс внимал
 Когда, самим им вдохновенный,
 Его ты песни повторял;
 Когда на славном Невском бреге
 Гремел его струнами ты,
 И в хладном севере на снеге
 Растил соррентские цветы.²⁵

В известном смысле поэзия Капниста служила Батюшкову критическим эталоном подлинного творчества. «Кто хочет писать, чтоб быть читанным, тот пиши внятно, как Капнист, вернейший образец в слог», — писал он Гнедичу в 1809 году.

²⁴ К. Н. Батюшков, Сочинения, стр. 90.

²⁵ Там же, стр. 264.